

ДОКЛАД С ГРАММОФОНОМ,

[(Из)блок-нота агитатора]

Алексей Сергеев.

Получил путевку в Коломенский уезд. Я знал, что первый день моих выступлений будет праздник и базар в том селе, где был назначен мой доклад и мне хотелось оживить доклад, собрать как можно больше крестьян. Думал о концерте с чтецами и певцами, но за отсутствием «кредитов» пришлось мысль о концерте бросить.

Вспомнил о старом хриплом граммофоне, о пластинках с речами Ильича. Беру граммофон, втискиваю в портфель пластинки, водружаю за спину трубу и бодро шагаю на вокзал.

Проехал с час и решил в вагоне испытать свой граммофон. Ставлю трубу, пластинку, завожу. В вагоне хрипло, но бодро зазвучал «Интернационал».

Испуганный кондуктор заговорил о «нарушении тишины», но у меня оказались союзники и заступники—рабочие из Раменского и крестьяне из Бронницкого уезда.

Ставлю пластинку с речью Ильича. Несколько приглушенный, но ясный ленинский голос и тишина в вагоне; лишь стучат колеса да две крестьянки тяжело и горько вздыхают.

Весь вагон в моем отделении. Напряженные лица, чуткие внимательные глаза и напряженная тишина. Говорит Ленин...

В Раменском рабочие, выходя из вагона, благодарили и укоряли, что сую в портфель пластинки: «Сломаешь, чужак, и останешься без доклада».

От Раменского еду с крестьянином из той волости, где назначены доклады. Говорим об Ильиче, набоге, об урожае...

— Ловко ты придумал с «машиной». К вечеру приведу послушать нашу деревню, — говорит мой новый знакомец.

Не доезжая Коломны, на маленькой платформе мы вышли из вагона. Через пять минут трясусь в телеге. Граммсфон лежит, бережно завернутый в армяк, а портфель осторожно закрыт сеном; труба ослепительно сверкает на солнце.

Приехали в народом. Часам к четырем на открытом окне поставил граммсфон и мой доклад начался. При первых же звуках моей «машины» с базара кинулись ребятишки, за ними степенно зашагали старики, из волисполкома спешно шло «начальство». Входили в здание, толпились у окна, заглядывали в трубу; комсомол, очутившийся на первом плане, подпевал «Интернационал». Говорю об Ильиче, о его деле, об октябрьской революции, о великом ссюзе рабочих и крестьян. Завожу пластинку с речью Ильича. Ленин говорит с крестьянами, говорит в ясный летний день, среди тишины, чуткой и внимательной.

Пластинка кончилась, а кругом еще несколько минут тихо, еще несколько минут крестьяне внимательно и упорно, в глубоком молчании, обдумывают слова великого вождя и учителя.

Долго тянулся мой доклад, долго просили меня крестьяне завести еще и еще раз речь Ильича и Калинина, — и снова тишина, снова глубокое внимание...

Вечером под мой граммсфон веселилась молодежь, пела, плясала... Перепела все свои частушки, многое рассказала о своей жизни, о своей тяге в комсомол, о горячем желании учиться...

На утренней заре я уезжал из села. Провожали меня крестьяне и молодежь. Крепко, по хорошему благодарили.

Трясаясь в телеге в соседнее село, я думал: «Вот и пригодился мой старый, простуженный граммсфон и сослужил свою службу в великом деле смывки рабочих и крестьян».